

Вступительное слово переводчика

Предлагаем вниманию читателя доклад Лорана Лаффорга, представленный на чтениях в память 100-летия Симоны Вейль в Национальной библиотеке Франции 23 октября 2009 г. Автор доклада – один из выдающихся математиков современности, хорошо известный в научном мире, убежденный католик. Читатель не может не почувствовать, что тема представляет для докладчика не академический, не отвлеченный, но личный религиозный интерес. Но для России довольно характерно, что глубокая религиозность сочетается с настороженным, а то почти и враждебным отношением к естественным наукам. Они традиционно считаются или суеютой, или дерзким вторжением в область божественных тайн. Математика же и вовсе выглядит в глазах верующих как что-то близкое к чернокнижию, к уходу в некий параллельный мир. Попытка религиозно-мистического прочтения математики, предпринятая Симоной Вейль, которая вызывает восхищение у современного верующего ученого, большинству православных покажется пустым, холодным и совершенно излишним умствованием. Повседневно используя в быту достижения высокоразвитой науки и техники, русский «воцерковленный» человек и сегодня способен без колебания повторить за протопопом Аввакумом: *«Альманашиники и звездочетцы, и все зодейщики познали Бога внешнею хитростью, а не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышлениями (...) Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин, вси сии мудры быша, и в ад угодиша, достигоша с сатаной разумом своим небесных твердей – и тою мудростию своею уподобляхуся Богу, мнящеся все знати. Яко же древле рече диавол: “Поставлю престол мой на небеси и буду подобен вышнему”, тако и тии глаголют: “Мы разумеем небесная и земная, и кто нам подобен!” И взимахуся... выше облак, слово в слово, яко и сатана древле. Сего ради отверже их Бог». «Евдокея, Евдокея, почто гордого беса не отринешь от себя? Высокия науки исчешь, от нея же отпадают Богом неокормлени, яко листвие... Дурька, дурька, дурищо! На что тебе, вороне, высокие хоромы? Граматику и риторику Васильев, и Златоустов, и Афонасьев разумом обдержал. К тому же и диалектику, и философию, и что потребно, – то в церковь взяли, а что непотребно – под гору лопатой сбросили. А ты кто, чадь немочная? (...) Ай девка! Нет, полно, меня при тебе близко, я бы тебе оцинал волосье за граматику-ту».*

Кажется, человеку с таким образом мировосприятия публикуемый здесь текст лучше не читать. Впрочем, и среди «толерантных» к науке верующих редко кто задается вопросом о религиозном и этическом смысле научного знания. Для нас наука – нечто вроде ремесла, вещь как бы «средняя» по отношению к вере и нравственности, особенно, если речь идет о науке точной. Язык религии – для нас это язык молитв, пророчеств и моральных предписаний. Причем тут формулы? То – горнее, а это – дольнее.

Не из этого ли отношения и происходит огромный, доходящий до полной несовместимости конфликт между религией и повседневной практической жизнью, который нигде, возможно, не проявлен с такой очевидностью и нигде не прикрывается таким лицемерием, как в современной России. Впрочем, привычный, воспринимаемый как нечто нормальное, разрыв между учением веры и практикой жизни характерен для всей христианской цивилизации. И совершенно естественной, логически определенной тенденцией развития христианских обществ является оттеснение религии, церкви и даже самой религиозной морали от решения всех по-настоящему важных вопросов политики, мысли, искусства, производства, образования, быта. За религией соглашаются оставить разве что ограниченные сферы, где ее энтузиазм считается «безвредным»: сфера благотворительности, заботы о престарелых и инвалидах, погребение умерших. Но это – на Западе; а в России даже в таких, кажется, невинных сферах влияние церкви вызывает у многих опасение – увы, обоснованное. Что в церкви на словах – одно, а на деле – зачастую противоположное, – уже давно никого не удивляет, но не перестает возмущать. Поэтому в случае дальнейшего обострения общественных противоречий в нашей стране (а пока к этому все уверенно идет) новый антирелигиозный (точнее, антихристианский) погром и террор – вещь весьма ожидаемая.

Симона Вейль усиленно всматривалась в будущее из своей трагической эпохи, когда в мировой схватке сшиблись три гиганта – немецкий нацизм, англо-американский империализм и русский большевизм, из которых два открыто ставили целью уничтожение христианства, а третий исповедовал христианство, абсолютно подчиненное житейскому практицизму. Само же христианство, в лице исторических церквей, в этой борьбе не было активно и самостоятельно действующей силой – ни политически, ни даже просто морально. Будущее сулило лишь окончательную маргинализацию веры, некогда двигавшей народами и империями.

Религия не по культовому календарю, не по расписанию месс, – а та, что наполнит смыслом, добром, красотой и радостью каждое простое повседневное дело, каждую мысль, каждое движение души – вот предмет поиска Симоны Вейль. Не покаянное склонение грешной паствы перед образами Христа – Царя и Судии, а откровение Христа в каждом человеке, в себе самом, жизнь, наполненная Богом так, как кровь обогащается кислородом.

По убеждению Симоны, здесь ничего не надо придумывать и изобретать. Именно такое всеобъемлющее христианство проповедует сама природа, само мироустройство: для нее оно есть объективный научный факт. Эту весть о всеобщем богосыновстве, всеобщем подражании и следовании Богу, этот правящий миром закон – она прочитывает в самой беспристрастной из наук, в математике.

Предлагаемый обзор размышлений Симоны Вейль о математике, как отмечает сам Лоран Лаффорг, носит черновой, предварительный и очень фрагментарный характер. Это даже не конспект, а лишь подступ к теме. На самом деле, даже выделить такую тему в изучении наследия Симоны проблематично. Ее мысли о математике неотрывны от ее богословского мышления вообще. Л. Лаффорг отмечает, что математика была спутником Симоны с первых лет ее жизни. В детстве и юности Симона преклонялась перед умственными способностями брата, которого очень любила, с которым постоянно помногу общалась. А поскольку главной любовью брата была математика, то и в глазах сестры она представляла чем-то священным. Детские навыки укореняются в нас навсегда. Так и для Симоны, при всех ее гуманитарных склонностях, математика навсегда стала естественным способом мышления и высказывания, стала внутренним языком ее интеллекта. Это всегда надо помнить при изучении всего написанного Симоной.

Это обстоятельство ни в коей мере не ограничивало ее мысль, и сегодня не умаляет для нас громадного масштаба ее интуиций. Поиск Симоны – стремление к Богочеловечеству, подготовка нового мира, выяснение основополагающих принципов цивилизации будущего. Ее чаяния во многом близки поискам русской религиозной философии начала XX века; но ее мысль идет свободнее, дальше и основательнее. Она не занимается декларациями или пророчествами, а разрабатывает нравственные и интеллектуальные основы ремесла, искусства, науки грядущей эпохи, которую она не видит, о которой не прорицает, но служит ей так, как будто она уже наступила.

Хотелось бы, чтобы и читатель почувствовал биение пульса удивительно честной, зоркой и чуткой мысли. «Святой мысли», – как выразилась одна внимательная русская читательница сочинений Симоны. Передать это свойство – большая трудность, которую чувствует каждый, кто берется за их перевод. Еще труднее сделать это явным в переводе краткого доклада, т. е. «пересказывая пересказ».

Л. Лаффорг в своем сообщении пользуется черновыми, рабочими записями Симоны, которые остались в виде двух десятков густо исписанных тетрадей. Глубокое и внимательное изучение этой лаборатории мыслей, движимое не любознательностью, а желанием воспринять и использовать богатое наследство, пока остается делом будущего: за этот труд по-настоящему не принялись даже в самой Франции. Позволю себе предположить, что в России он может оказаться нужен скорее, чем на родине Симоны. Впрочем, и Россия ей была далеко не чужая страна: в России родилась ее мать, в Россию безуспешно стремилась всю жизнь она сама. В душевном настрое этой ярко выраженной еврейки есть много близкого именно русской натуре: это стоит

отдельного разговора, но, во всяком случае, покойный С. С. Аверинцев имел все основания высказаться о Симоне:

«То, что она до сих пор неизвестна русскому читателю, особенно прискорбно, потому что во всем составе ее морального облика присутствует та готовность к самосожжению, которой нам, почитающим себя за народ пророка Аввакума, так часто недостает в западной духовности» (http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Literat/aver/sim_veil.php). (Нам представился случай вновь вспомнить Аввакума, и совсем в другом контексте.)

Именно у нас сегодня наблюдается разрушение всех прежних цивилизационных оснований. Именно для нас, как ни для кого в Европе, вопрос о цивилизационной идентичности является вопросом жизни и смерти. Именно у нас – при том, что остро чувствуется нужда в «правде Божьей» как в моральной основе – очевидно омертвление Православной церкви, претендующей на роль объединяющего символа нации в ее истории, именно у нас, как нигде, остро стоит вопрос о «новом прочтении» христианской вести, способном вдохнуть жизнь в народ, лишившийся устоев и ориентиров.

Когда однажды придет пора восстанавливать жизнь на этой земле на новых духовных основаниях, будет важна и ценна любая работа, любой маленький кирпичик, вложенный в здание цивилизации. И – хоть сейчас мало кто в это способен поверить – вне сомнения, великую ценность в школе мысли, познания, нравственности будут иметь упражнения Симоны в ее странной «математической аскетике».

Петр Епифанов.

СИМОНА ВЕЙЛЬ И МАТЕМАТИКА

Лоран Лаффорг

Доклад на чтениях в Национальной библиотеке Франции,
посвященных 100-летию Симоны Вейль
23 октября 2009 г.

Лоран Лаффорг (родился в 1966 г.) – ведущий научный сотрудник Института высших научных исследований Франции (Бюр-сюр-Иветт). Лауреат премии Филдса за 2002 год за исследования в области теории чисел и алгебраической геометрии (получил ее вместе с российским ученым В. Воеводским). С 2003 года член Французской академии наук. Включенный в 2005 г. по инициативе президента Ширака в состав Высокого совета по образованию, Л. Лаффорг покинул этот орган, подвергнув критике образовательную политику в стране и посвятив этой теме ряд статей. В 2011 г. избран почетным доктором католического Университета Нотр Дам (Индиана, США). Активно участвует в работе русско-французской математической лаборатории Понселе (Москва).

Прежде чем обсуждать мысли Симоны Вейль о математике, необходимо сперва напомнить, что ее единственный брат Андре Вейль стоит в ряду самых глубоких и влиятельных математиков XX века.

Будучи младше брата на три года, Симона Вейль росла в тесном соприкосновении с математикой, которую в то время, непрерывно углубляясь, с поразительной легкостью постигал Андре. Это отношение сохранялось и впоследствии, когда брат и сестра выросли, ибо при всей несхожести характеров они всегда были привязаны друг к другу и продолжали обмениваться знаниями и мнениями.

Обоих соединяла вскормившая их классическая культура. Она вдохновляла их общей любовью к древней Греции и к Франции XVII века, тем двум высокоразвитым цивилизациям, где математика культивировалась как составная часть философской мысли. Платон и пифагорейцы – учителя, которых Симона Вейль столь глубоко знала и почитала – считали математику неразрывно связанной с философией и утверждали, что упражнения в одной из них незаменимо полезны для упражнений в другой. Декарт и Паскаль одновременно были философами и математиками.

Я, однако, убежден, что решающую причину интереса Симоны Вейль к математике следует искать на более личном плане. Надо искать эту причину в связи с тем призванием, о котором сама она говорила много раз – например, в прощальном письме к о. Перрену от 14 мая 1942 г., известном под названием «Духовная автобиография»:

«В четырнадцать лет я впала в одно из этих бездонных отчаяний переходного возраста и всерьез мечтала умереть, оттого что сознавала скудость своих природных способностей. (...) Я горевала не о внешних успехах, но о том, что могла надеяться получить какой-либо доступ в область трансцендентного, туда, куда входили только люди поистине великие, и где обитает истина. Мне хотелось скорее умереть, чем жить без нее. После месяцев внутреннего мрака, я внезапно обрела раз и навсегда уверенность в том, что любой человек, даже имеющий почти ничтожные

естественные способности, сможет проникнуть в эту область истины, по праву принадлежащую гениям, если он только желает истины и постоянно прилагает усилия внимания, чтобы ее достигнуть. (...)

Под именем истины я разумею также красоту, добродетель и всякий род блага, так что для меня речь шла о концепции соотношения между тем, что даруется, и желанием. Уверенность, которую я обрела, была именно в том, что «когда кто-то просит хлеба, ему не подадут камней»¹».

Призвание, которое Симона Вейль осознала в ранней юности и отдала ему себя до конца, есть призвание к истине: желание истины, доверие истине, ожидание истины, любовь к истине. К «истине» в единственном и определенном смысле, подобно термину «математика» (в единственном числе)², которое оно восприняла вслед за своим братом и группой Бурбаки³.

Итак, размышляя о математике в своих трудах, Симона Вейль стремится найти связь определенного рационального комплекса знаний с истиной, а также возможность его использования на пути к истине.

И сколь бы ни были причудливо разнообразны предметы ее занятий, исследуемые все более углубленно, Симона Вейль на самом деле не имеет природы энциклопедиста. Ею движет не любознательность. Ее цель – не в накоплении знаний. Напротив, она ребром ставит вопрос, насколько основательно это накопление знаний:

«Когда в какой-нибудь области человек познает слишком много, познание сменяется неведением – или следует подниматься до другого познания»⁴, – пишет она осенью 1941 года.

Далее она формулирует и подчеркивает смысл того нового познания, до которого хотела бы подняться: *«Не усваивать все новые вещи, но с помощью*

¹ Аллюзия на евангельские слова: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф, 7, 7–11).

² Вообще во французском языке слово «математика» обычно употребляется во множественном числе: говорится о «математиках», т. е. нескольких дисциплинах, составляющих область единой науки. Математики группы Бурбаки, одним из основателей которой был А. Вейль, предпочитали говорить это слово в единственном числе.

³ «Николя Бурбаки» – коллективный псевдоним группы французских математиков, оказавшей большое влияние на мировую математическую науку. Основатели: А. Картан, К. Шевалле, Ж. Кулон, Ж. Дельсарт, Ж. Дьёдонне, Ш. Эресманн, Р. де Поссель, Ш. Мандельбройт, А. Вейль.

⁴ Тетрадь IV (II, 67). «Тетради», объединенные в четыре книги, в совокупности составляют шестой том Полного собрания сочинений Симоны Вейль. В скобках римской цифрой обозначается номер книги, а арабской – страница. Вместе с приложениями, комментариями и указателями, «Тетради» занимают 2618 страниц мелкого текста, так что даже просто прочесть их представляет собой немалый труд.

терпения, усилия и умения научиться понимать очевидные истины всем своим существом»⁵.

Годом позже, то есть менее чем за год до смерти, она ставит вопрос о смысле стремления к знаниям еще более радикально: *«Бог хочет, чтобы мы интересовались только им и больше ничем иным. Какой же вывод следует сделать относительно всего множества интересующих нас вещей, которые не говорят о Боге? Следует ли заключить, что они суть ловушки лукавого?»⁶* Я оставляю на конец доклада конец этой цитаты. Чтобы оправдать стремление к знаниям и задать ему направление, Симона находит сравнение поразительное; оно стоит того, чтобы его дожидаться.

Прежде чем мы обратимся к тому, как Симона Вейль объясняет связь между познаниями и истиной, следует напомнить основной принцип ее неустанных занятий: она убеждена, что подлинные познания – всегда конкретны и точны, что они приобретаются только работой над отдельными явлениями, над деталями, и что такую науку, как математика, нельзя познать «в общих чертах» и со стороны.

Уже в первой своей «Тетради», начатой в 1933 году, в возрасте 24-х лет, она пишет: *«Важное замечание: эта наука (математика – Л. Л.) не поддается вульгаризации. Почему? Именно по причине доли случая, доли непредвиденного, из-за чего математика не составляет единого целого. В ней нет способа открыть какие-то широкие пути, по которым можно было бы пробежать взглядом, – надо непременно войти внутрь»⁷.* В 1940 г. она напишет даже так: *«Мы утратили понимание реальности по причине вульгаризации науки»⁸.*

Свидетельствами заботы об интеллектуальной честности являются рассеянные по Тетрадам Симоны Вейль математические упражнения – большей частью, по геометрии и механике, по дифференциальному и интегральному исчислению и т. д., а также заметки о прочитанных трудах великих математиков, начиная с греков (Евклид, Диофант) продолжая классической эпохой (Виет) и кончая рубежом XX века (Феликс Клейн). Имена почти всех великих математиков XVII, XVIII и XIX вв. многократно повторяются в Тетрадах – в записях, содержащих точную информацию об их работах. В равной мере цитируются математики из числа современников, хотя, казалось бы, сам способ выражения современных математиков стал слишком узкоспециальным, чтобы неспециалист, – а Симона Вейль и не была специалистом, – мог прочесть их труды.

⁵ Тетрадь IV (II, 149).

⁶ Тетрадь XIV (IV, 168).

⁷ Тетрадь I (I, 94).

⁸ Неизданная тетрадь ii (I, 173).

Перед тем как перейти к дальнейшему изложению, необходимо уточнить его границы. Готовясь к докладу, я занимался только «Тетрадиями». Это записи для собственного пользования, которые Симона Вейль набрасывала на бумаге, в основном, в течение последних лет жизни. Часть из них она при жизни доверила близким людям, а другие были обнаружены после ее смерти среди ее бумаг. Издательство «Галлимар» недавно полностью опубликовало эти тексты в четырех больших книгах, с бесценным критическим аппаратом, составленным Флоранс де Люсси и целой командой знатоков.

С помощью аналитического указателя к этим томам я начал с того, что скопировал все места, где Симона Вейль так или иначе высказывается о математике. Они заняли 80 рукописных страниц мелким почерком, без полей. При этом я опустил собственно математические упражнения и те заметки, которая делала Симона Вейль, читая труды по математике.

Я был ошеломлен оригинальностью, богатством и глубиной размышлений, к которым побуждала ее математика. Ни у кого из мыслителей нового времени я ничего подобного не читал. Дело здесь, в первую очередь, в том, что, в отличие от большинства философов и писателей нового времени, которым случалось говорить о математике или о точных науках вообще, Симона Вейль, как я только что сказал, взяла на себя труд изучить изнутри тот предмет, о котором она рассуждает. Второе – это, как я полагаю, сама сила ее стремления к истине. Вопрос о связи между математикой и истиной занимает меня многие годы, но Симона Вейль, не будучи математиком, продвинулась несопоставимо дальше меня – математика по профессии.

ЗаклЮчить ее мысли в какую-то систему не кажется возможным, даже ограничиваясь частным математическим предметом. Все эти мысли объединены воодушевляющей их любовью к истине: той любовью, дыхание которой не может не почувствовать внимательный и чуткий читатель.

Для того чтобы пройти сквозь эту чашу, имеет смысл выбрать одну направляющую линию и держаться заданного курса. Но тогда мы вправе выбрать целые десятки направляющих линий, каждая из которых заслужит не один доклад. Наложив друг на друга полученные отображения, мы смогли бы получить представление о богатстве мыслей Симоны Вейль хотя бы по одной лишь математике. Она и сама, высказываясь по поводу истинности разных возможных «прочтений», сравнивает эти прочтения с тенями, которые один и тот же предмет может отбрасывать в разных направлениях. Она записывает: *«Множественные тени одного предмета. Отношение наружности сосуда к самому сосуду. (...) Божественные тени, образы сущего»*. И далее: *«Важность геометрии в пространстве, перспектив, проекций и т. п. для платоновского очищения. Центр, откуда видны*

различные возможности прочтения, отношения между ними и свое собственное прочтение – как всего лишь одно среди прочих»⁹.

В сегодняшнем докладе я предполагаю осветить всего три слова, занимающих важное и даже удивительное место в размышлениях Симоны Вейль о математике. Сразу оговорюсь: то, что я сейчас скажу, лишь зачаток исследования, которое могло бы быть развито на сотнях страниц.

Первый важный термин, на котором я предлагаю ненадолго остановиться, это слово *«алгебра»*.

Это слово встречается в «Тетрадах» многократно и (именно это может показаться удивительным) всегда как предмет обличений. Симона Вейль фактически недалеко от того, чтобы сфокусировать на этом термине всю свою критику современной науки и даже современной цивилизации в целом. Уже в начале первой «Тетради» она записывает большими буквами: *«ДЕНЬГИ, МАШИНИЗМ, АЛГЕБРА. Три монстра нашей нынешней цивилизации. Полная аналогия»¹⁰*. А чуть дальше утверждает: *«Сам основополагающий принцип алгебры соответствует фундаментальной ошибке по части человеческого разума»¹¹*.

Но что же понимает она под этим словом – «алгебра»? Это не раздел математики, называемый обычно алгеброй, даже если и имеет к нему отношение. В первой «Тетради» она постоянно дает два определения слову «алгебра» в ее смысле. Оба этих определения поставлены в параллель с двумя характеристиками современного труда и машины:

«Современный труд: цель подменяется средством.

Современная алгебра: обозначаемое подменяется обозначением»¹².

«Машина: метод заключен не в разуме, а в вещи.

Алгебра: метод заключен не в разуме, а в обозначениях»¹³.

Непосредственно за этим вторым определением она уточняет, что сам универсальный характер метода влечет за собой овеществление посредством машины или посредством алгебры, что этот характер позволяет забыть о том, кто подвергся объективации: *«То, что один раз зачислили (в такую-то категорию, под таким-то обозначением – П. Е.), затем воспроизводится бесчисленное множество раз. Его не включают каждый раз заново, так как это излишне, это занимает время, и еще по разным причинам. Эти*

⁹ Тетрадь III (I, 310, 324).

¹⁰ Тетрадь I (I, 100).

¹¹ Тетрадь I (I, 112).

¹² Тетрадь I (I, 94).

¹³ Тетрадь I (I, 97).

автоматические приспособления сами воспроизводят себя; итак, нечто производят не думая – это хуже всего».

По Симоне Вейль, подмена мышления техникой обозначений в том, что она называет алгеброй, неразрывно связана с коллективным характером современной науки – так же, как господство машин неотделимо от коллективного характера техники нового времени: *«Поскольку коллективное мышление не может существовать как мышление, оно переходит в вещи (обозначения, машины). Отсюда возникает такой парадокс: есть вещь, которая мыслит, и есть человек, низведенный до состояния вещи»*¹⁴. Отметим, кстати, что ее фраза: *«коллективное мышление не может существовать как мышление»* может быть соотнесена и с ее обличениями иудаизма, а так же Церкви, рассматриваемой как социальный организм.

Итак, Симона Вейль понимает под «алгеброй» использование, в целях эффективности¹⁵, известных техник, которые позволяют думать меньше, или не думать вообще. Триумфом алгебры в этом смысле, характеризуется, по ее мнению, наука XX столетия, которую она называет «новой наукой»; и в этом ее радикальное отличие от науки XVII, XVIII и XIX веков, которую она называет «классической наукой», считая ее вдохновленной гением Декарта.

Поскольку «новая наука» более не является мышлением, постольку она не является и истиной¹⁶; не заслуживая даже имени знания¹⁷, она ошибочна в самой своей основе¹⁸. Поэтому – пишет Симона Вейль – следует *«переосмыслить науку заново: задача устрашающая, но очень уж интересно, как отсюда продолжит ее дальше»*¹⁹. Понятно, что она сама хотела впрячься в решение этой «устрашающей задачи».

Приведем только одну мысль Симоны Вейль, идущую в этом направлении:

*«Применительно к человеческому разуму является ли алгебра ошибкой? Мы можем размышлять только о частном (Декарт), притом, что предметом размышления, в сущности, является всеобщее. Нам неизвестно, как греки разрешали эту трудность. Наши современники разрешили ее использованием обозначений, представляющих то, что для многих вещей является общим. Мое решение (если бы я могла...) было бы – аналогия»*²⁰.

¹⁴ Тетрадь I (I, 98).

¹⁵ Тетрадь I (I, 100).

¹⁶ Неизданная тетрадь II (I, 173).

¹⁷ Неизданная тетрадь II (I, 177).

¹⁸ Неизданная тетрадь II (I, 173).

¹⁹ Неизданная тетрадь III (I, 197).

²⁰ Тетрадь II (I, 233).

Тема аналогии у Симоны Вейль, которая здесь выступает как гипотетическое решение вопроса о том, как переосмыслить науку, сама по себе заслуживает целых томов; сегодня я могу лишь мимоходом упомянуть о ней.

Ссылка на греков в только что приведенной цитате нуждается в двух необходимых уточнениях. С одной стороны, Симона Вейль противопоставляет классическую науку науке греческой, подобно тому, как современная наука противопоставляется науке классической. Как современная наука есть наука классическая, потерявшая мышление, так наука классическая – считает она – есть «наука греческая, потерявшая благо»²¹.

С другой стороны, видим, что Симона Вейль сама признается в неведении относительно греков. Она убеждена, что дух греческой науки, привязанной к идее блага, утерян в науке классической, но не уверена в том, что ей самой относительно этого духа известно нечто большее, чем только ощущение его утраты, и ведет его поиск.

Поиск ею духа греческой науки выражается, в частности, в размышлениях, посвященных геометрии, которую она возвеличивает в той же мере, в какой обличает алгебру, вслед за греками, которые, как она считает, «воспретили себе алгебру»²². Тема геометрии у Симоны Вейль еще более богата в положительном ключе, чем тема алгебры в негативном. Приведу только один из примеров необычных аналогий, к которым она обращается на пути поиска истины:

«Прямая, начерченная мелом, – значит, по доске проводят мелом, думая о прямой. Таким же образом, добродетельный поступок – тот, который совершают, любя Бога. Желая начертить прямую, не ведут линию как попало. Любя Бога, не совершают все равно какой поступок»²³.

Так Симона Вейль обновляет знаменитое изречение св. Августина: «Люби – и делай то, что хочешь»²⁴ с помощью эвклидовой прямой.

В противовес той обезличке²⁵, которую производит набор обозначений²⁶ в алгебре, Симона Вейль, по образцу пифагорейцев, использует число

²¹ Неизданная тетрадь III (I, 197).

²² Тетрадь III (I, 311).

²³ Тетрадь II (I, 248).

²⁴ «... Дела человека можно различать лишь по корню любви. Ибо многое может делаться, имея добрый вид, но не произрастая из корня любви. Ибо и на колючках могут быть цветы: некоторые поступки действительно кажутся грубыми, кажутся жестокими; однако же совершаются для вразумления, по велению любви. Итак, раз и навсегда дается тебе краткое наставление: люби и делай, что пожелаешь; сохраняешь ли спокойствие, сохраняй спокойствие с любовью; кричишь ли, кричи с любовью; исправляешь ли, исправляй с любовью; жалеешь ли, жалея с любовью; да пребудет в тебе корень любви, из этого корня не может произрасти ничто, кроме доброго» (Августин Иппонийский. Комментарии на Первое послание апостола Иоанна Богослова, трактат VII, 8, 10).

аналогически. Для нее число соотносится с Логосом – в том смысле, в котором говорит о Логосе Евангелие от Иоанна: т. е. с вечным Словом Бога, воплотившимся во Христе. Она пишет:

«Число есть особенное отношение каждой вещи к Богу, который есть Единство. Соотношение между всеми вообще вещами есть Логос; божественная Премудрость, божественное Слово, с которым все мироздание сочетается посредством любви»²⁷.

«Бог есть средство, и всё по сути есть божественное средство. Аналогичным образом, для человеческого мышления все есть соотношение – логос. Соотношение есть божественное средство. Божественное средство есть Бог. «Все есть число»»²⁸.

Напомним, что «Посредником» в Послании к Евреям называется Христос (Евр 9, 15; 12, 24)²⁹. Симона Вейль, кажется, хочет сблизить пифагорейскую формулу «Все есть число» с первыми стихами Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. (...) Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин 1, 1–3). Хотя, на мой взгляд, не только умозрения относительно числа, но и все в целом содержание тетрадей за последние годы ее жизни можно интерпретировать как непрерывное размышление над одним этим стихом: «Всё чрез Него начало быть...» Симона Вейль ищет связь всего в мире с божественным Словом, воплотившимся в личности Христа. Поставленный в преамбуле вопрос о связи между познанием и истиной принимает для нее эту форму, по мере того как она принимает сердцем неслыханное утверждение Христа о Себе: «Я есмь истина» (Ин 14, 6)³⁰.

Чтобы закончить с темой алгебры, упомянем, что и сам Андре Вейль, брат Симоны, проявил большую сдержанность перед лицом алгебраизации математики. Случалось, что он выражал это в суровых отзывах о работах своих современников, включая близких друзей по группе Бурбаки. В

²⁵ «Аналогия между алгеброй и деньгами. И то, и другое – уравнители. Они не представляют расстояний по вертикали». Тетрадь IV (II, 149). «И алгебра, и деньги суть уравнители: первая – для интеллекта, вторые – для эмоциональной сферы. Наша эпоха разрушает внутреннюю иерархию». Тетрадь V (II, 185–186).

²⁶ «Математик живет в особом мире, предметы которого – это обозначения. Соотношение между обозначением и тем, что обозначается, исчезает; игра отношений между обозначениями разворачивается сама по себе и сама для себя». Тетрадь I (I, 100).

²⁷ Тетрадь XVI (IV, 286).

²⁸ Тетрадь XII (III, 404).

²⁹ В церковно-славянском и в Синодальном русском переводах греческое слово μεσίτης (по лат. переводу Вульгаты – mediator) передается как «ходатай».

³⁰ «Самые драгоценные блага не надо искать. Их надо ожидать. Ибо человек не может обрести их собственными силами; а если примется за поиск, то найдет вместо них блага ложные, ложность которых не сумеет распознать. Решение геометрической задачи само по себе не есть драгоценное благо; но к нему применим тот же закон, потому что оно есть образ драгоценного блага. Будучи маленьким фрагментом частной истины, оно являет собой чистый образ Истины единственной, вечной и живой – Той Истины, Которая некогда возгласила человеческим голосом: «Я есмь Истина»» (Симона Вейль. Размышления о пользе учебных занятий для воспитания любви к Богу <http://simoneweil.ru/index/0-5>).

следующем за ним поколении своего рода откликами на интуиции Симоны Вейль явились замечательные своей геометричностью и концептуальностью работы другого гиганта современной математики – Александра Гротендика³¹.

Теперь я хотел бы кратко рассмотреть второй из тех концептов, к которым Симона Вейль прибегает в своих размышлениях о математике. Это слово «*послушание*».

Нас не может не удивить, сколь важной становится тема послушания под пером Симоны Вейль, ибо известно, до какой степени она сама была непокорна любому авторитету. Еще сильнее впечатляет, что, рассуждая о математике, она связывает слово «послушание» со словами «покорность» и «кротость». Какой другой автор говорил когда-либо о «покорности» и «кротости» в связи математикой и естественными науками? Не знаю, представлены ли темы «покорности» и «кротости» у Платона или у пифагорейцев; но прекрасно известно, сколь важны они для Библии, где все три упомянутых слова прилагаются ко Христу.

Послушание, о котором говорит Симона Вейль, это, во-первых, послушание Богу математических сущностей, подчиненных необходимости, которую выражают логические импликации, и, во-вторых, послушание материи, подвластной математическим законам. Она пишет: «Математика есть опытное подтверждение того, что все послушно Богу»³². И несколькими страницами выше: *«Покорность математических сущностей. (...) Власть математики над материей есть власть кротости. (Связь между математикой и любовью.) Даже эта жесткая необходимость: ее жесткость есть, в сущности, кротость. Все, что по мне бьет, все, что на меня давит – повинуется Богу. (...) Это послушание, осуществляемое кротостью, которое есть суть жесткости материи, можно воспринять только в рамках не-экспериментальной концепции необходимости. В математике – если мы дадим этому слову употребление отличное от обыденного, более широкое»*³³.

Говоря о жесткости материи, которая сопротивляется нашей воле и остается всегда нечувствительной, Симона Вейль указывает, что эта жесткость есть кротость, ибо она есть послушание Богу. При этом она не забывает о страдании, записывая парадоксальную вещь: *«Кротость, которая есть самая суть жесткости материи, – вот, что мы находим, вот, что постигаем опытом на дне страдания точно так же, как созерцаем чистым пониманием в математике; и этой же кротостью питает нас все, что*

³¹ Жизненная история А. Гротендика, одного из выдающихся математиков XX века, является не менее яркой и захватывающей, чем судьба Симоны Вейль (http://ru.wikipedia.org/wiki/Гротендик,_Александр)

³² Тетрадь XI (III, 330).

³³ Тетрадь XI (III, 327–328).

прекрасно»³⁴. Изучение как самой математики, так и математических законов физического мира позволяет увидеть это превосходное послушание. Симона Вейль также пишет: «Пусть эта математическая необходимость станет самим существом нашего мира – это печать нашего Отца, это свидетельство того, что необходимость изначально была побеждена мудрым убеждением³⁵»³⁶.

Итак, наука есть созерцание отеческой премудрости Бога; и именно поэтому Симона Вейль несколькими строками выше придает науке применение, которое радикально отрывает ее от идеи прогресса: *«Наука – как и вся вообще человеческая деятельность – устанавливает оригинальный, специфический образ любви к Богу. В этом ее назначение, в этом также ее происхождение. Ничто не может иметь своим назначением то, чего не имеет в своем происхождении. Противоположна этому идея прогресса, отрава»³⁷.*

Но если математика и вообще наука поистине представляют собой изучение и созерцание повиновения Богу математических сущностей и материи, тогда для нас самих они являются школой послушания. Весной 1942 года Симона Вейль записывает: *«Совершенная покорность. Совершенное послушание математических сущностей. Образец послушания»³⁸. И в следующей «Тетради»: «Главным источником блага в математике является покорность математических сущностей. То, что по отношению к нам есть сопротивление, – это с их стороны не каприз, но покорность их закону. Покорность там, где нет насилия, нет принуждения. Послушание. Подражать этому послушанию»³⁹.*

Эта школа послушания приводит к согласию с сущим – с тем, что существует не так, как было бы угодно нам, а как угодно Богу. Симона Вейль записывает: *«(...) сверхъестественная способность к согласию. Мы не соглашаемся с силой как таковой (ибо она принуждает), но принимаем как необходимость (...) Это согласие есть безумие, которое отвечает тройному безумию Бога (Творение, Воплощение, Страдание), но прежде всего – первому. Логос, имя Необходимости, данное Возлюбленному. «Свет и дождь» в Евангелии. Стоицизм»⁴⁰.*

³⁴ Тетрадь XI (III, 330).

³⁵ Аллюзия на следующее место из платоновского диалога «Тимей»: «...Из сочетания ума и необходимости произошло смешанное рождение нашего космоса. В самом деле, ум одержал верх над необходимостью, убедив ее обратить к наилучшему большую часть того, что рождалось. Таким-то образом и по таким-то причинам путем победы разумного убеждения над необходимостью была вначале построена эта Вселенная» (48a).

³⁶ Тетрадь XII (III, 95).

³⁷ Тетрадь XII (III, 94).

³⁸ Тетрадь X (III, 315).

³⁹ Тетрадь XI (III, 326).

⁴⁰ Тетрадь XII (III, 404). В отрывке упоминается следующее место из Евангелия: «Любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и

«Возлюбленный», о котором идет речь в конце этой цитаты, есть Жених из «Песни Песней», которого церковная традиция толкования (и в частности, св. Хуан де ла Крус, чья мистическая поэзия была хорошо известна Симоне Вейль) отождествляет с Христом, воплотившимся Логосом, Словом Божиим. Как необходимость, которая, – как пишет она – *«занимая в математике место матери»*⁴¹ и являя собой предмет изучения для науки, имеет своим именем – Логос, так и математика связана с благом. *«Математика являет таинство убеждения, которым благо действует на необходимость»*⁴².

Убеждение, которое Благо оказывает по отношению к необходимости – но не мы оказываем – объясняется как явление блага, осязаемое для каждого, кто соглашается с тем, что есть: *«Прекрасное в математике – то, что нам явно показывает ее вещь, которую мы не сделали своими руками. Вот где противоречие»*⁴³.

На этой фразе нам следует остановиться, ибо *«противоречие»*, которое здесь кажется неожиданным, есть третье слово, свойственное рассуждениям Симоны Вейль о математике, которому я предлагаю посвятить последнюю часть своего сообщения.

Симона Вейль считает противоречие существенно-важной стороной мышления. Размышляя над Платоном, она пишет: *«Две существенно важных составляющих платоновской диалектики: противоречие и аналогия. И то, и другое – суть способы выйти за пределы точки зрения»*⁴⁴. Здесь нам понятно, что противоречия провоцируют мысль, не позволяя ей замыкаться в своей точке зрения, неизбежно ограничивающей взгляд. Мысль, которая встречает противоречие и решается смотреть ему в лицо, уже становится на дорогу, ведущую к истине. Эта функция противоречия настолько важна в глазах Симоны Вейль, что она, оспаривая аристотелевскую логику, определяет ошибку именно как отказ от противоречия: *«Ошибка есть бегство человеческой мысли перед противоречием существенным, непоправимым. Все, что насильно принуждает нас (ибо здесь нужно насилье) смотреть в лицо противоречию, есть лекарство против ошибки, лекарство всегда горькое»*⁴⁵.

Мы привыкли считать, что математика – и вообще наука – всегда позволяет разрешать противоречия. Это даже стало одним из главных факторов авторитета математики в новое время. Однако Симона Вейль не только

гонящих вас; да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5, 44–45).

⁴¹ Тетрадь IX (III, 214).

⁴² Тетрадь IX (III, 213).

⁴³ Тетрадь VIII (III, 65).

⁴⁴ Тетрадь III (I, 322).

⁴⁵ Тетрадь IV (II, 93).

утверждает неопределимую важность противоречия, но и полагает, что оно лежит в самом сердце и математики, и науки вообще! Вот что она пишет: *«Если противоречие есть то, что возносит душу и тянет к свету, то рассмотрение первоначальных принципов (гипотез) геометрии и связанных с нею наук должно быть рассмотрением присущих им противоречий. (...) Только благо непротиворечиво, но оно ослепительно. Дух может направить свой взор только на противоречие, освещенное благом»*⁴⁶.

Так в каких же «первоначальных принципах геометрии и связанных с нею наук» удастся Симоне Вейль увидеть противоречия?

Рассуждая о науке вообще, она пишет: *«Существенное противоречие нашего понятия науки: воображаемая ситуация закрытого сосуда (основа всякой экспериментальной науки) противоречит научной картине мира. Два разных опыта не должны были бы давать один и тот же результат. Это противоречие ведет к понятию о пренебрежимо-малых величинах. Однако пренебрежимым оказывается мир...»*⁴⁷. Этот пассаж звучит как критика экспериментальной науки, основанной на противоречии. Но так как Симона Вейль высоко ставит противоречие, понятно, что критика ее относится не к противоречивому характеру основания, а к нежеланию видеть сам этот факт.

В рассуждениях о математике, Симона Вейль, ища примеров противоречия, говорит именно о геометрии. Здесь, может быть, мы доходим до самых глубоких причин неприятия ею алгебры. Именно геометрия – но не алгебра – позволяет ей наблюдать противоречие. Хотя сама она не говорит об этом, можно подумать, что многие математические сущности кажутся противоречивыми, если помыслить их геометрически, то есть визуально, но теряют свой противоречивый характер – и, значит, по Симоне Вейль, существенно-важную сторону их истинности – когда их определяют алгебраически, через набор обозначений. Например, это можно сказать о точке встречи в бесконечности двух параллельных прямых. Однако Симона Вейль использует этот образ в теологической метафоре: *«Когда мы имеем дело с таинством (судя по контексту, речь идет о таинстве Троицы или Христа – Л. Л.), невозможность помыслить во взаимосвязи две идеи, потому что они противоречат одна другой (единство и троичность в Боге, божество и человечество во Христе – Л. Л.), – эта невозможность переносит рассматриваемую точку – то есть Бога – за пределы самой бесконечности»*⁴⁸. Эта метафора иллюстрирует тесную, но неуловимую связь, которую Симона Вейль распознает между так называемым естественным разумом и разумом сверхъестественным: отношение, которое правильно проводится через противоречие. Она пишет: *«То, что является противоречивым для естественного разума, не таково для разума*

⁴⁶ Тетрадь III (I, 307).

⁴⁷ Приложение к II тому (II, 547).

⁴⁸ Тетрадь VII (II, 465).

сверхъестественного; но второй из них имеет в распоряжении только язык свойственный первому. Тем не менее, логика сверхъестественного разума более строга, чем логика разума естественного. Математика дает нам образ этой иерархии»⁴⁹.

В математике, согласно Симоне Вейль, мы сначала сталкиваемся с противоречием, обнаруживая сопротивление математических сущностей нашей воле. Затем – их сопротивление нашему пониманию. Мы читаем:

«Только математика дает нам на опыте познать пределы, поставленные нашему пониманию. Ибо обычно у нас всегда есть возможность полагать относительно любого опыта, что мы неспособны его объяснить по причине недостатка данных. Здесь же (в математике – П. Е.) все данные налицо, все они сопоставлены в ясном свете доказательства – и при этом мы не понимаем. Это всегда созерцание человеческого убожества. Чем является для нашей воли противостоящая ей сила, тем же является непроницаемая толща математики для нашего понимания. (...) Мир обозначений не имеет толщи, но он еще бесконечно более тверд»⁵⁰.

«Математика возбуждает нашу интуицию и сопротивляется ей с твердостью камня»⁵¹.

*«Благо есть очевидное явление реальности. Реальность в сущности есть противоречие. Ибо реальность – это препятствие, а препятствие для того, кто мыслит, – это противоречие. Прекрасное в математике заключается в противоречии. Несоизмеримость, *logoi alogoi* (отношения, не имеющие наименования – П. Е.), была первым проблеском прекрасного в математике»⁵².*

Уточним, что это замечательное парадоксальное выражение – *logoi alogoi*, имена неименуемые, слова без слов – напрямую не встречается ни у одного греческого автора. Его употребляет Андре Вейль в одном из писем к сестре, с целью передать шок, который вызвало у греков открытие иррациональных чисел, явившееся выводом из теоремы Пифагора: диагональ квадрата со стороной 1 в одно и то же время обладает именем – «число, дающее в квадрате 2» – и не обладает именем, по причине невозможности связать ее с какой-либо дробью.

С противоречием в математике мы встречаемся и на более высоком уровне – это так называемое «совпадение», которое, по словам Симоны Вейль, есть *«противоречивое в области необходимого»⁵³*. Попробуем разобраться, что она хочет этим сказать.

⁴⁹ Тетрадь XIII (IV, 139).

⁵⁰ Тетрадь IX (III, 212).

⁵¹ Тетрадь IX (III, 209).

⁵² Тетрадь VIII (III, 64).

⁵³ Тетрадь VIII (III, 65).

Она отмечает, что *«по воззрениям пифагорейцев, те вещи в математике, которые не требуют доказательства, то есть совпадения, суть символы истин, относящихся к Богу»*⁵⁴. Итак, она определяет «совпадения» в математике как «то, что не требует доказательств». Но что же именно она здесь имеет в виду?

В другом месте она писала: *«Разные доказательства (одного и того же математического положения – Прим. пер.) – великое таинство»*⁵⁵. Действительно, в математике часто можно бывает придти к одному и тому же результату путем нескольких независимых доказательств. Симона Вейль видит в этом «совпадение», которое не является необходимым, поскольку само по себе оно не устанавливает предмет доказательств. Несколькими строками выше она пишет: *«Гармония, в пифагорейском понимании, всегда загадочна. Единая мысль многих о том, что они мыслят каждый по отдельности»*⁵⁶. Под именем «совпадений» она, несомненно, понимает также встречу разных теорий в одной и той же области научных занятий, на которую каждая из них проливает свой особенный свет.

Итак, Симона Вейль указывает, что в математике, где всё подчинено необходимости, встречается, однако, и нечто отличное от необходимости. На следующей строке она продолжает: *«Суть прекрасного есть противоречие, соблазн, а ни в коей мере не благопристойность; но соблазн, который, усиливаясь, переполняется радостью»*⁵⁷.

Итак, противоречие в математике и в науке – это, прежде всего, когда мы испытываем силу необходимости и побуждаем себя к согласию с этой необходимостью. Это согласие с необходимостью делает возможным «совпадение», которое усиливает соблазн и переполняет его радостью.

Этот анализ, проведенный Симоной Вейль относительно математики и науки вообще, а также словарь, которым она пользуется – «послушание», «покорность», «соблазн», «радость» – заставляет нас вспомнить о Страдании и Воскресении Христа. Продолжая свое размышление о сверхъестественном разуме, к которому противоречие дает перейти от разума естественного, она пишет: *«Святой Хуан де ла Крус знал о сверхъестественном разуме, когда писал, что в тайны Премудрости Божией можно проникнуть только через Крест»*⁵⁸. Крест – противоречие из противоречий.

⁵⁴ Тетрадь IX (III, 212).

⁵⁵ Тетрадь VII (II, 488).

⁵⁶ Автор изречения – Никомах из Герасы (1-я пол. 2 в. н. э.) — древнегреческий философ неопифагорейского направления, математик, теоретик музыки.

⁵⁷ Тетрадь VIII (III, 65).

⁵⁸ Тетрадь XIII (IV, 139–140).

Непрямым упоминанием Креста Христова Симона Вейль по существу отвечает на вопрос, ответ на который мы отложили еще в самом начале этого доклада, – вопрос о связи между познаниями и истиной, иначе говоря, о смысле стремления к познаниям:

«Какой же вывод следует сделать относительно всего множества интересующих нас вещей, которые не говорят о Боге? Следует ли заключить, что они суть ловушки лукавого?»

Нет, нет и нет. Следует заключить, что они говорят о Боге.

Показать это сегодня является неотложной необходимостью.

Именно в этом (сегодня – П. Е.) состоит обязанность воздвигнуть медного змия, чтобы любой, кто взглянет на него, был спасен»⁵⁹.

Упоминание «медного змия» отсылает нас одновременно к библейской Книге Чисел (пятой из книг Пятикнижия) и к Евангелию от Иоанна. Во время своего странствия по пустыне израильский народ, потеряв мужество, возроптал на Бога и на Моисея. Тогда Бог послал на свой народ смертельно жалящих змей, от укусов которых многие умерли. Моисей вступился за народ перед Богом, и тогда Бог повелел ему изготовить из меди изображение змея и поставить его на столбе, чтобы каждый укушенный, взглянув на этого медного змея, остался в живых (*Числ 21, 4–9*).

Впрочем, и Христос ссылается на этот загадочный эпизод Исхода, когда возглашает: *«Как Моисей вознес змия в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, чтобы всякий, кто верует, получил чрез Него жизнь вечную»* (*Ин 3, 14–15*)⁶⁰. В этой фразе выражение «Сын Человеческий» заимствовано из пророческого видения в Книге Даниила (*Дан 3, 14–15*); как везде в Четвероевангелии, Христос обозначает так самого Себя. Словами «должно вознесу быть Сыну Человеческому», «как медному змию», Христос возвещает о Своем будущем страдании: «вознесение», о котором Он говорит, есть казнь на Кресте.

Вернемся к тексту Симоны Вейль. Теперь понятно: она сравнивает откровение о том, что «множество интересующих нас вещей» возвещают о Боге, с вознесением Христа на Кресте. Это подает мысль, что для нее отношение между истиной и познаниями аналогично отношению между Христом и Крестом. Истина воздвигается на познаниях – Христос возносится на Кресте. Для того, кто жаждет истины всей душой, стремление к познаниям – это один из способов, обучившись послушанию необходимости, нести крест по пути Христа. Для мыслящего разума созерцание противоречия есть

⁵⁹ Тетрадь XIV (IV, 168).

⁶⁰ Л. Лаффорг приводит евангельские слова по французскому переводу, основанному на латинской традиции Вульгаты. В русском Синодальном переводе эта фраза звучит несколько иначе: «...Как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Прим. переводчика).

способ приобщиться к распятию Христа – условие, необходимое для того, чтобы прикоснуться к истине.